

Дополненный вариант статьи: Панюков А.В. Самосборка сюжета в фольклоре // Фольклористика Коми: Фольклорные жанры Европейского Северо-Востока России: динамика развития, трансформации, классическое наследие и современные формы. Сыктывкар, 2016. С. 114-136. (Труды Института языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН. Вып. 74).

А.В. Панюков **Самосборка сюжета в фольклоре**

Разбиение научного знания на отдельные части – явление чисто условное, поскольку по своей природе оно интегративно и системно. Любое исследование человека как био-психо-социального существа, по определению, требует объединения усилий гуманитарных, естественных и технических наук. В современной науке интеграция понимается не просто как суммирование, сложение, сближение или дополнение, а как глубокое взаимодействие на основе общих принципов познания окружающего мира, поиск общих инвариантов, позволяющих объединить разнопредметные знания в единую, целостную, стройную систему [Переслегин]. Изоморфизм языковой системы и физического микромира, основанный на древних представлениях об атомизме языка, и сегодня является активно разрабатываемой зоной поиска новых интегративных концепций и гипотез. Однако в силу целого ряда причин текстологические исследования последних десятилетий развивались по пути умножения «атомарно-молекулярных» сущностей, что привело к появлению огромного числа дефиниций («-текстов» и «текстем»), в совокупности представляющих вербальный – и уже – художественный текст как объект исследования¹. Это начисто обесмысливает любую попытку представить его инвариантное устройство. Между тем, простое продолжение аналогий между

---

¹ Список элементарных единиц – «атомов», используемых в современных исследованиях, выглядит так: фонема, аллофонема, апофонема, архифонема, квазиархифонема, гиперфонема, мегагиперфонема, супергиперфонема, гипофонема, группофонема, квазифонема, морфонема, морфофонема, парадигмо-фонема, полифонема, синтагмофонема, слогафонема, субфонема, суперфонема, супрафонема, фонестема, глоссема, аллоглоссема, глоссотема, грамматема, граммема, квазиграммема, морфограммема, графема, аллографема, фонографема, дериватема, диэрема, интонема, кенема, кинакема, кинема, классема, коммуникатема, номема, семема, ономатема, лексоморфема, синтагмоморфема, коммуникема, конверсиема, когнема, лексема, аллолексема, архилексема, лексоттема, лингвема, микролингвема, монема, морфема, алломорфема, лексоморфема, синтагмоморфема, слогоморфема, морфонема, морфоттема, номема, номинатема, нофема, нозема, ономатема, плерема, прагмема, предикатема, просодема, сапиентема, сема, архисема, изосема, семантема, асемантема, семема, эписемема, силлабема, морфосиллабема, синтагмема, синтаксема, синдема, синтема, сонема, альтернема, апофониема, артикулема, бинема, бихевиорема, социалема, макросоциалема, микросоциалема, стилема, стролема, структема, суффиксема, тагмема, таксема, тонема, фемема, флексioneма, фразема, херема, хролема, экспрессема, эпистема, классема, когнема, номинатема, холестема, стратегема, кардема, культулема, лингвокультурема, речема, текстема, наррема, экспрессема, креатема, эвристема, эпистема, логоэпистема, мотивема, мифема. В свою очередь, группа актуальных для современного научного познания «- текстов» может быть представлена, как минимум, авантекстом, автотекстом, аллотекстом, антитекстом, архетекстом, архитектном, генотекстом, гипертекстом, гипотекстом, затекстом, интертекстом, интекстом, интратекстом, инфратекстом, квазитекстом, контекстом, ксенотекстом макротекстом, метатекстом, микротекстом, минитекстом, монотекстом, мультитекстом, мегатекстом, надтекстом, онтотекстом, паратекстом, перитекстом, подтекстом, политекстом, посттекстом, пратекстом, пре(д)текстом, прототекстом, псевдотекстом, сверхтекстом, сотекстом, стерео-текстом, субтекстом, супертекстом, транстекстом, унитекстом, фенотекстом, экстратекстом и эпитекстом (о «-текстах» см. напр.: [Литвиненко 2005]).

двумя системами позволяет говорить о том, что в общем иерархическом тождестве вербальные тексты представляет собой объекты следующего, супрамолекулярного (надмолекулярного) уровня, обладающего своими специфическими характеристиками. Дальнейшее развитие этого тезиса открывает и определенное сходство принципов и механизмов агрегации «субмолекулярных» объектов, связанных с понятиями «слабые, нековалентные взаимодействия» и «комплементарность». В отличие от привычных молекул, в которых атомы объединены валентными связями (исходный аналог лингвистической валентности), в супрамолекулах удерживание отдельных фрагментов происходит за счет совершенно иных – вторичных, слабых, нековалентных межмолекулярных взаимодействий (водородные связи, электростатические силы, гидрофобные взаимодействия и другие). Образование супрамолекул подразумевает комплементарность (геометрическую и химическую взаимодополняемость) составляющих ее элементов, называемых молекулярными рецептором и субстратом. В молекулярной биологии наиболее распространено понятие структурной комплементарности по принципу «ключ – замок». Общеизвестная модель двойной спирали ДНК основана на таком типе комплементарности четырех азотистых оснований. Взаимодействие комплементарных фрагментов или биополимеров приводит к образованию множества вторичных, слабых связей с достаточно большой суммарной энергией, что приводит к образованию устойчивых молекулярных комплексов.

В переводе на язык лингвистики – комплементарность приводит к образованию ассоциативной сети. В соответствии с предлагаемой иерархией ассоциативно-смысловые связи, участвующие в создании «супрамолекулярного» макрообъекта–текста, «текстогенны» по своей «физике». Такое положение отвечает исходным постулатам текстоцентрического подхода в исследованиях вербальных ассоциаций (положение об ассоциативной паре «стимул-реакция» как акте предикации) (см. об этом в: [Овчинникова 1994]). Ну и что не менее важно в контексте фольклористических исследований, еще раз возвращает к исходным представлениям об ассоциативно-образном характере художественного слова.

Для того чтобы обозначить общие принципы «супрамолекулярной» текстологии, мы обратились к наиболее яркому и специфическому явлению, связанному с открытиями в области «супрамолекулярной» химии – феномену самосборки.

Формирование супрамолекулярных ансамблей может происходить самопроизвольно – такое явление называют самосборкой. Под самосборкой понимается процесс, в котором небольшие молекулярные компоненты самопроизвольно соединяются вместе, образуя намного более крупные и сложные супрамолекулярные агрегаты. Молекулярная самосборка является важным аспектом подхода «снизу вверх»: параметры итоговой структуры задаются формой и функциональными группами молекул. Факторы, которые направляют самосборку – форма молекул, баланс между энтальпией и

энтропией, природа нековалентных связей (об этом, напр.: [Нанотехнологии и наноматериалы]).

Сюжет предания об убийстве вымского князя Василия

В качестве примера, демонстрирующего принципы самопорождения «супрамолекулярной» структуры мы использовали сюжет исторического предания об убийстве московского наместника в Перми Вычегодской князя Василия Вымского. Предваряющему данную интерпретацию текстологическому анализу этого сюжета была посвящена отдельная статья [Панюков 2013, 2014]. Выбранное предание обладает уникальными признаками «конкретного историзма», не требующими, казалось бы, особых доказательств их достоверности: помимо того, что в местной традиции бытуют устные предания об этом событии с фиксацией места убийства (место могут показать и сейчас), факт убийства князя зафиксирован в письменном источнике XVI в. – Вычегодско-вымской летописи (далее – ВВЛ) под точной датой смерти, косвенно подтверждаемой другими историческими источниками. Однако проведенное нами исследование привело к абсолютно иным выводам, которое можно сформулировать в двух пунктах:

1. Образ князя Василия Вымского в этом сюжете вторичен, и появляется в последние десятилетия XX в., т.е. после публикации ВВЛ. Протосюжетом устных преданий о князе является сюжет о местном богатыре Василии (*Ён Вась*). Согласно варианту предания, записанному в середине прошлого века, богатырь Василий, живший в д. Кони, решает построить город в местечке *Кар яг*. Он дает деньги в долг жителям д. Весляна, которые обещают помочь в строительстве города; долг они не возвращают, и *Ён Вась* разрушает их дома. Веслянцы сговариваются убить Василия; подстерегают едущего богатыря, закалывают его копьями в устье ручья *Васес вийём шор*, а потом на большом камне разрубаят его на куски.

2. В свою очередь, сюжет о богатыре Василии вторичен по отношению к топонимическому протосюжету, возникшему в результате народно-этимологического переосмысления гидронима *Васес виям*; где *виям* восходит к апеллятиву *виям* 'проток по низине, образуемый в половодье, полый', а *васес* – ныне утраченный гидроним с основой *ва* 'вода, река' и предположительным значением 'залив, озеро, связанное с рекой'. Гидроним *Васес виям* под воздействием вошедшего в местный ономастикон имени *Вась* 'Василий' деэтимологизируется в гидроним *Васес вийём шор* 'ручей, где убили Васю/Василия'. Под воздействием случайно оказавшегося поблизости городищенского бора возникает сюжет об убийстве строителя города Василия, связывающий два соседних локуса – место городища и место убийства. Далее, один из вариантов этого топонимического сюжета попадает в прицерковную среду, идентифицируется с именем князя Василия Вымского фиксируется в ВВЛ. Во второй половине XX в. сюжет об убийстве князя Василия «возвращается» в устную традицию и сливается с преданиями о богатыре Василии, замещая главного персонажа на князя Василия.

Собственно текстологическое исследование сюжета об убийстве на этом можно было бы завершить. Однако дело в том, что в нем есть мотивы, которые абсолютно чужды коми повествовательной традиции, и, соответственно, не верифицируемые никакими текстологическими изысканиями. Прежде всего, это мотив жестокого убийства с расчленением тела на камне и оскоплением – не зафиксированный ни в финно-угорских, ни в русской повествовательных традициях. Уникален для коми традиции и мотив строительства города, противопоставленный центральному для подобных топонимических преданий мотиву гибели чудских городков-*кар'ов*. Вполне правомерно было бы здесь исходить из того факта, что сюжет был привнесен в традицию извне и позже адаптирован к местной истории. Тогда, при столь явной инородности, сам сюжет проявляет удивительную устойчивость даже в своих деталях, хотя по логике, попав в фольклорную традицию, должен бы был пройти сквозь повествовательные фильтры. А это в свою очередь, позволяет предположить, что сюжет этот автохтоничен, но его истоки скрыты от стороннего наблюдателя.

Чтобы найти ответы на эти вопросы, мы, опираясь на предыдущий анализ, попытались понять, как и почему возник данный сюжет.

Исходные пункты наших размышлений таковы. Согласно наиболее общему представлению о жанре преданий, структурный стержнем этого вида повествований выступает событийный сюжет – как определенный способ художественного осмысления, организации событий. Соответственно, и в анализируемых текстах есть устойчивый событийный ряд, организованный сюжетом, – последовательная цепь событий, связанных и в пространстве-времени и причинно-следственной логикой. Кроме того, в нашем распоряжении есть исходный событийный компонент, связанный с переосмыслением гидронима *Васес вьям*. Чтобы понять, как возник сюжет, можно попробовать повторить тот путь дискурсивизации, который должно пройти нарративное сознание, направляемое сюжетным «вектором» с известной координатой «убийство». Попробуем представить эту последовательность в виде пошагового движения «снизу вверх», т.е. от микрокомпонентов к макроконструкции всего сюжета.

Итак, **уровень 1**. Гидроним *Васес вьям* 'проток, впадающий в водоем-*васес*' под воздействием паронимических аттракций: *вьям* 'проток' > < *вьям* 'убьем'/ *вийём* 'убийство'; *васес* > < *Вась* 'Василий', род.п. *Васес* 'Василия' деэтимологизируется в ойконим *Васес вийём* 'Василия убийства место' – с «возвратом» в гидронимический пласт *Васес вийём шор* 'ручей, где убили Васю/ Василия'.

Уровень 2. Получив такую событийную предикацию, т.е. превратившись в свернутый топонимический мотив «место убийства Василия», эта связка начинает структурировать вокруг себя ассоциативно-смысловое поле, контуры которого определяются тем, что:

– Мотив убийства уже обладает минимальным набором предикативных позиций:

«место действия» – «субъект действия» – «действие» – «объект действия»

у ручья *Васес вийом*

убийца (?)

убийство

жертва

– Мотив убийства уже обладает минимальной топологией (определенная событийная последовательность «до» – «после»), к которой необходимо подобрать подходящий хронотоп.

Уровень 3. Вокруг этой связки-мотива возникает событийная матрица с «пустыми» позициями, требующими заполнения. Структуру этой матрицы можно представить в виде трехчастной схемы: *начало*, *финал* и некая *причинно-следственная связь*, превращающая события в сюжет.

В соответствии с событийной логикой мотив убийства занимает в матрице позицию финала.

инициальная ситуация – причинно-следственная связь – финальная ситуация

?

?

убийство Василия

Эта событийная матрица уже обладает определенной логической структурой, поскольку финальная субъектно-объектная триада (субъект S – действие A – объект O) формирует свое «зеркальное» отображение – т.е. инициальная часть потенциально обладает подобной же субъектно-объектной «триадой», но зеркально противопоставленной ($S^{-1} – A^{-1} – O^{-1}$), как, собственно, начало и конец. Соответственно, возникают контуры некоего *анти-события с анти-ролями* (т.е. меной субъектно-объектных позиций):

?

//

убийство Василия

Жизнь

//

Смерть

A^{-1} «рождение»

//

A – «убийство»

Субъект действия – Василий

//

Субъект действия – ?

Объект действия – ?

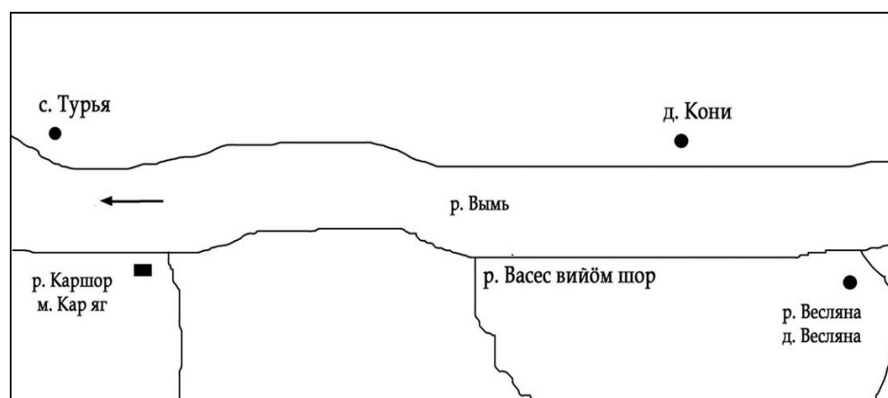
//

Объект действия – Василий

Таким образом, мы уже имеем исходную конфигурацию инициальной части: если финал связан с убийством, то в антропоцентрической проекции начало каким-то образом должно быть связано с рождением; если в финале Василий – объект убийства, то в инициальной части он – субъект действия «рождение».

Уровень 4. Далее, эта структура, уже имеющая локальную привязку (место действия) проецируется на топографию местности в поисках подходящего хронотопа.

В упрощенном виде топографическая схема местности выглядит так:

Перед нами возникают две возможные топографические проекции:

а) «горизонтальная» (правый – левый берега + река) – в соответствии с которой две части структуры распределяются так:

<i>Инициальная часть:</i>	//	<i>Финальная часть</i>
правый берег	//	левый берег
с. <i>Турья</i> , д. <i>Кони</i>	//	р. <i>Васес вийём</i> , м. <i>Кар яг</i> , д. <i>Весляна</i>
жизнь – рождение	//	смерть – убийство;

б) «вертикальная» – вдоль левого берега; соответственно

<i>Инициальная часть</i>	//	<i>Финальная часть</i>
м. <i>Кар яг</i> , р. <i>Кар шор</i> / д. <i>Весляна</i>	//	р. <i>Васес вийём шор</i>
жизнь – рождение	//	смерть – убийство

С возможной дополнительной ориентацией на гидронимический план: ручьи *Кар шор*, *Васес вийём шор* и река *Весляна*. В центре фокуса этой проекции оказывается место убийства, а м. *Кар яг* и д. *Весляна* топографически противопоставлены друг другу.

Уровень 5. Далее, в поле ассоциативно-смыслового притяжения попадает м. *Кар яг*, находящееся ниже «места убийства» на два километра. Помимо того, что этот локус сам обладает сюжетогенным потенциалом, и, возможно, уже имеет определенную фольклорную мотивацию, для первичного взаимопритяжения двух ключевых образов важным становится наличие общих ассоциатов: «шор» (*Кар яг шор* и *Васес вийём шор*) и квантитатив «человек» (убийство одного человека и город как место, связанное с множеством людей).

Уровень 6. Возникает ключевая для дальнейшего развития сюжета ассоциативная связка (условно ее также обозначим словом «мотив»): «рождение» + «город» => мотив «строительство города/городища». Далее этот мотив строительства города/городища стимулирует выравнивание противоположной пары:

«убийство Василия» => «убийство строителя Василия».

Обобщенный результат структурирования:

<i>Инициальная часть</i>	//	<i>Финальная часть</i>
м. <i>Кар яг</i> , р. <i>Кар шор</i> / д. <i>Весляна</i>	//	р. <i>Васес вийём шор</i>
жизнь – рождение	//	смерть – убийство
<i>шор</i> + <i>кар</i> + «человек» + «много»	//	<i>шор</i> + «человек» + «один»
рождение города/городища	//	убийство Василия
строительство города	//	убийство строителя Василия

Таким образом, в результате несложных ассоциативных аттракций возникает общий контур искомого нами событийного ряда: некто Василий строил город в местечке *Кар яг* и его убили у ручья *Васес вийём шор*.

Уровень 7. Дальнейшее усложнение ассоциативно-смысловых связей уже направлено на конкретизацию и детализацию этого «контура».

Поскольку ключевым для понимания специфики этого сюжета является мотив строительства города, рассмотрим вначале его «детали». В силу своей необычности мотив строительства *кар'а* - городища/города естественным образом противопоставляется традиционным для исторических преданий мотивам строительства-основания местных деревень и гибели *кар'ов*-городищ, связываемых обычно с чуждью. Кроме того, мотив строительства здесь получает денотативные «закрепки»: место городища в *Кар яг* представляет собой ровную площадку, как бы подготовленную под строительство; на самой поверхности земли находятся около десятка скоплений камней, оставшихся от оборонительных сооружений [Савельева, Кленов 1992]. Это уже предопределяет появление предиката «каменный», в проекции на нашу структуру противопоставленный «деревянному» деревням. Далее, качественно-количественные связки конкретизируют образ городища/города и приводят к появлению мотива строительства «большого» = «каменного» города.

Мотив «строительство каменного города» проецируется на субъектно-объектный уровень событийной матрицы; соответственно: субъект действия «строительство» – строитель Василий («один»); объект действия – город (с уточнением – «город + жители города», «много»); на противоположном полюсе структуры роли противоположны: объект действия «убийство» – строитель Василий («один»); субъект действия – город (потенциальные «горожане», «много»). В соответствии с «вертикальной» топографической схемой роль потенциальных «горожан» может быть отведена жителям д. Весляна (общие связки: «много», «люди»). Противопоставления «один – много»/ «сильный – слабый» закрепляют и другие ассоциации, в том числе и предопределяют противопоставление один убитый – много убийц.

Далее происходит ассоциативно-смысловое «выравнивание» – т.е. комплементарное взаимодополнение акциональных составляющих: действие «строительство» => конструирование, собирание частей (камней) в целое (город); на противоположном полюсе – «разрушение» = разделение целого на части (ассоциативно связанное с «камнем») => «расчленение». Обратный ассоциативно-смысловой перенос мотива убийства в технологический план *делания* (разрушение – «антистроительство») приводит к дальнейшему выравниванию образов: если делание-убийство = разрушение – «антистроительство»), то делание-строительство в антропоморфном плане – зарождение – зачатие города. Соответственно, если «строительство» = «зарождение-зачатие», то «убийство» = антизачатие => оскопление. Таким образом, основные ассоциации как бы образуют конечные циклы: рождение – убийство – зачатие – антизачатие; строительство – разрушение – собирание – расчленение; то есть комплементарные пары закрепляются еще и диагональными связями.

Теперь попробуем суммировать наши результаты и представить их в виде единой ассоциативно-смысловой структуры:

Инициальная часть

кар 'город, городище'

жизнь

зарождение

зачатие

строительство

сочленение

камни – «много»

части в целое

субъект действия – Василий –

объект – город (+ горожане)

действие «из частей в целое»

объект – «много»

субъект – «один»

субъект – «большой/сильный»

Финальная часть

место убийства Васес вийём

смерть

убийство

антизачатие (оскопление)

разрушение

расчленение

камни – «один»

целое на части

Василий – объект действия

(«горожане») – субъект действия

действие «целое на части»

объект – «один»

субъект – «много»

субъект – «маленький/слабый»

Можно попытаться записать эту структуру в виде логически связанного выражения: *Один сильный человек по имени Василий совершает зачатие-строительство города из камней в местечке Кар яг – много слабых жителей разрушают-расчленяют Василия на части с камнем у ручья Васес вийём шор.*

Как видим, перед нами уже достаточно насыщенный конкретными деталями каркас «протосюжета», который может быть развернут в рассказ об убийстве Василия-строителя.

Причинно-следственная связь

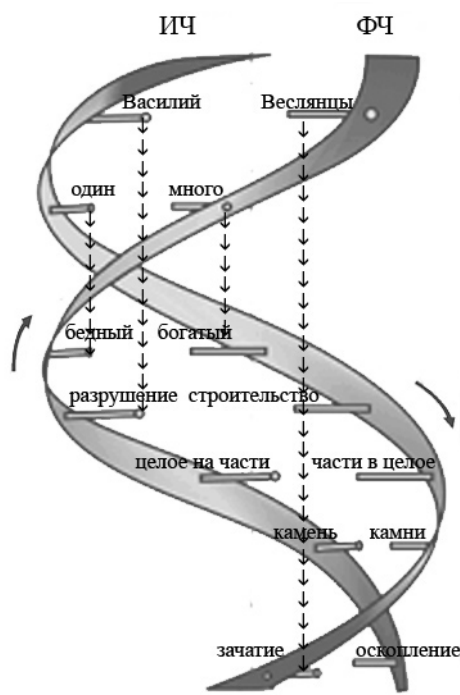
Теперь вернемся к третьему необходимому для сюжета компоненту – причинно-следственной связке (далее – ПСС) между инициальным и финальным событиями. Поскольку наиболее близким к протосюжету является вариант предания о богатыре *Ён Вась*, остановимся на нем подробнее, тем более что и устные и летописная версии о князе Василии весьма скупо передают причину убийства. В сюжете о богатыре *Ён Вась* ПСС представляет собой достаточно развернутый микросюжет: *Вот однажды он дал в долг денег веслянским мужикам. Веслянцы обещали за это город построить. Но веслянцы не пришли на работу. Трижды он просил вернуть долги, но веслянцы не вернули. Пошел он в страдную пору к должникам. Взрослых в это время никого не было, все были на сенокосе. Он пришел в Весляну. И за то, что долги ему не*

вернули, он все их дома разрушил. Пришли весляницы со страды, а дома разрушены, все развалены. Собрались весляницы, посоветались и решили убить Василия (см.: [Панюков 2014]). На фоне основного и общего для всех версий событийного ряда этот компонент представляется чем-то дополнительным и не столь существенным для развития действия – неким микросюжетом – отроском, который можно озаглавить как «Поиск компромиссов»: Василий пытается договориться с *весляницами*, те его обманывают; Василий в ответ разрушает деревню – *весляницы* решают его убить. Кажется совершенно естественным, что эта часть выпадает из «соцреалистической» трактовки сюжета о князе-эксплуататоре; вероятно, и в летописном каноне эта событийная «деталь» выглядела столь же невозможной.

Однако если попытаться спроецировать содержание этого микросюжета на представленную выше ассоциативно-смысловую структуру, то нетрудно заметить, что основные ассоциации (предикации) те же самые, но здесь они зеркально «вывернуты»: «нищие» весляницы становятся «богатыми» и дают согласие быть «строителями»; Василий становится «нищим» и трижды просит вернуть «богатство», после чего «строитель» становится «разрушителем» – и еще конкретнее и ближе к тексту – «строитель каменного» становится «разрушителем деревянного». Кроме того, на акциональном уровне всего событийного ряда эти ассоциаты-предикации также распределены на две части («до» и «после»), но абсолютно по иному: в первой части все персонажи – «строители», во второй – «разрушители»: В инициальной части: строитель *Ён Вась* нанимает местных жителей (имплицитно – строителей деревни, которую он разрушает), они получают аванс и дают согласие строить город – в финальной части все превращаются в разрушителей: *Ён Вась* разрушает деревню, а деревенские «разрушают» его самого (еще раз обратим внимание – ничего «богатырского» здесь нет).

Совершенно очевидно, что ПСС развивает ту же самую двоичную структуру ассоциаций, добавляя в нее диагональные «стяжки», составляющие ассоциативно-смысловой ряд ПСС. Отсюда уже нетрудно перейти к образу двоичной спирали, в которую сворачивается структура ДНК в результате возникновения подобных перекрестных связей между связками-нуклеотидами молекулы:

Принципиально важно, что выраженная в таком виде структура сюжета содержит не только информацию о сюжетных событиях, персонажах, о пространстве-времени сюжета, но и четко предопределяет конкретику многих «мелких» деталей, таких как, например, оскопление на камне. Более того, именно они определяют уникальность данной сюжетной структуры.

Таким образом, ассоциативная-смысловая основа, которую мы определили как «структуру сюжета» представляет собой явный аналог комплементарной структуры, возникающей в результате супрамолекулярной самосборки «снизу вверх».

Сюжет былички о домовом

Продолжая продвижение от частных случаев к общему построению концепции самосборки сюжета, обратимся к еще одному традиционному повествовательному жанру фольклора – быличке.

В наиболее обобщенном понимании быличка представляет собой суеверный рассказ небольшого объема, в котором представлен конкретный случай встречи с мифологическим существом. В основе большинства подобных мифологических повествований лежат сюжеты причинно-следственного типа с мифологической связкой (мифологические представления и верования, регламентирующие отношения между миром людей и миром демонов), личным хронотопом (пространственно-временные координаты ориентированы на рассказчика и его ценности), строгой или нестрогой достоверности со следующим возможным набором функций: идентификационной, дидактической, регулятивной, ориентационной, психотерапевтической [Веселова 2000]. Будучи одной из нарративных форм трансляции традиционных знаний о мире, быличка может быть определена как

мифологическое повествование, актуализирующее ряд фундаментальных мифологических представлений в виде дискретных повествовательных формул (мотивов-явлений, действий и т.п.) «разворачивающих» (в индивидуальной интерпретации, в применении к отдельной человеческой судьбе) совокупность мифологических образов, в основном, являющихся персонификациями сакральных сил, не развившимися до уровня высших божеств. Таким образом, быличка играет роль своеобразного демпфера между человеком и вероятностным миром природы, с одной стороны, и отдельным, индивидуальным событием человеческой жизни и событием архетипическим – с другой [Власова 1992].

Отталкиваясь от такого понимания этого повествовательного жанра, проанализируем один текст русской былички и попытаемся ответить на вопрос: как она возникла?

Лошадка у нас была. Стучал кто-то ночью долго в дому, нам спать не давал. Колотил и колотил всю ночь. Утром мама встала, помелом постучала, положила творогу в дырку и говорила: “Батюшко милостливый, какое ты нам горе принес? Какую беду принес?” Он еще три раза постучал. Федя поехал, лошадь помчалась аж по всему Соликамскому тракту, добежала до поленицы у завода и пала. А тут татары работали, побежали и давай стучать по ушам. Федька добежал, а лошадь уже мертвая была. Сдал он ее на мыло [Рассказы о полтергейсте 1993, с. 64].

Предложенный фольклорный текст соответствует большинству характеристик элементарного повествования: перед нами простейший «концентрический» - сконцентрированный вокруг одного события сюжет; этот сюжет представляет простейший вариант причинно-следственного типа «осюжетивания» - когда событиям текста присваиваются значения события-причины и события-следствия и они связываются отношениями каузальности. Кроме того, сюжет идеально подходит для вышеприведенного определения «былички»: индивидуальное событие – неожиданная гибель лошади обретает статус архетипического события – «предсказанное несчастье», воплощенного в столкновение человека с демонологическим персонажем.

Вариант интерпретации 1. Быличка - актуализированная демонология

Мифологический рассказ имеет традиционную мотивировку: домовый показывается перед несчастьем. Однако этот элементарный с точки зрения поэтики сюжет в «Указателе сюжетов и русских быличек и бывальщин о мифологических персонажах» оказывается разорванным на несколько мотивов: Б1-9б «Домовой предсказывает будущее» (показывается или воет перед несчастьем) – но здесь нет «стучит»; Б1-5г «Домовой ночью в доме: «шалит» (?); Кроме того, сюжет осложнен еще и устойчивой семантической связью «стук – гроб – смерть» и не менее устойчивыми для современной демонологии представлениями о полтергейсте или *барабашке* (от слова *барабанить* – термин, принятый в нашей стране как обозначение полтергейстных явлений). Полтергейст объединяет в себе широкий спектр явлений, как обычных и легко объяснимых, так и физически необъяснимых, зачастую предполагающих

вмешательство некоего квази-разумного начала, являющегося невидимым для человека. Сообщение об «отечественном полтергейсте», облетевшее всю страну, было опубликовано в газете «Труд» за 5 октября 1988 г. Речь шла о невидимом духе, объявившемся в одном из московских общежитий и названном *барабашкой*. Обнаружил он себя стуком. Девушки наладили контакт с ним, условившись, что один стук означает «да», а два стука – «нет». Встреча с этими девушками состоялась в новогоднем (1 января 1989 г.) выпуске передачи «Очевидное – невероятное», причем в ней принимал участие и невидимый *барабашка*. На этот раз стук *барабашки* услышали миллионы телезрителей. Этот выпуск передачи повторялся в телеэфире еще два раза, после чего публикации о феномене *барабашки* прошли волной по многим газетам. В дальнейшем *барабашка* исчез из поля зрения журналистов, однако само имя осталось за названием феномена, означающего наш, отечественный полтергейст. Анализируемый текст был опубликован в 1991 г., точную дату записи нам пока не удалось выяснить, но, по нашему убеждению, исключать эту связь нельзя. О явных аналогиях с образом *барабашки* говорит и включенный в фабулу анализируемой былички окказиональный обряд «вызывания домового»: домового вызывают стуком, ставят угощение и спрашивают; тот, как и *барабашка*, отвечает стуком – подтверждая негативный смысл своего «предсказания». Этот обряд «слеплен» из вполне вычленимых компонентов: традиционные ритуалы угощения домового; устойчивый сюжет «диалога» с мифологическим персонажем (МП): домовый давит, на вопрос человека отвечает «ху-у-у» («к худу»). Кроме того, несмотря на то, что тема «стук – смерть» реализуется и в традиционных святочных гаданиях, очевидно, что здесь образ домового слился с образом «стучащего» духа. Таким образом, при сюжетно-тематическом подходе сюжет данной былички может быть представлена как «сложносочиненная» конструкция из нескольких мифологических «заготовок»:

- 1) Б1-5г «Домовой ночью в доме: “шалит”»;
- 2) Б1-9 «Домовой предсказывает будущее»;
- 3) традиционные гадания на будущее с акустической семантикой «стук – (сколачивание гроба) – смерть»;
- 4) не менее устойчивые для современной демонологии представления о полтергейсте и/или о барабашке;
- 5) включенное в фабулу описание окказионального обряда «вызывания домового», в свою очередь, скомпонованного из обрядового угощения домового, мотивов диалога с домовым и стучащим духом – барабашкой.

Остальная, «немифологическая» часть, в соответствии с жанровыми критериями, реализует «установку на достоверность» и статус «свидетельского показания» былички. Даже если отбросить «немифологические» подробности как периферийные детали фабулы, возникает явное несоответствие между «однособытийным» сюжетом и «сложносочиненностью» «дискретных мифологических представлений», воплощенных в нем. Поэтому попытаемся еще раз перечитать текст, и обратить внимание на его стилистику.

Вариант 2. Лингвосемантический подход к тексту

Этот подход, предложенный и опробованный нами в ряде публикаций [Панюков 2004, 2006], основан на попытке связать сюжет мифологического рассказа не с архетипическим «авантекстом», а с языком его изложения. Несмотря на то, что анализ собственно содержания уже предполагает несколько вариантов «расшифровки» сюжета, лингвосемантический подход позволяет вычлени из текста ту конкретную деталь, которая послужила ключом к реализации устойчивого мифологического мотива. Мы выделили два фрагмента: мифологический интекст: «кто-то стучал и не давал спать» и его контекстуальный «двойник»: «татары...давай стучать по ушам...мертвой лошади», которые в таком виде текстуально связаны между собой. На уровне логической структуры они идентичны:

Субъект	–	действие	–	объект
МП		будит стуком		спящих людей (интекст)
Татары		будят стуком		мертвую лошадь (контекст)

На «языке» интекста контекст можно выразить так «татары будят стуком спящую мертвым сном лошадь», и наоборот – «МП стучит/бьет по ушам спящим людям». Соответственно, буквальное (сигнификативное) значение идиом «стучать/бить по ушам» (сильный источник звука оказывает неприятное воздействие на слух человека) и «мертвого разбудить» (издавать такой назойливый звук, громкий шум, от которого нельзя не проснуться) и реализуется как истинный смысл мифологического события – последующего, «предсказанного» несчастья, когда татары *стали стучать по ушам*, чтобы поднять, *разбудить мертвую лошадь*.

При этом возникает возможность совершенно иного перераспределения «реального» и «вымышленного»:

<i>Мифологическое</i>	<i>Реальное</i>
МП «стучит/бьет по ушам» так, что «мертвого разбудит».	Татары «стучат по ушам» павшей лошади, пытаясь разбудить мертвую

При таком распределении компонентов данный сюжет приобретает специфическую лингвосемантическую структуру:

1. Происходит реальное событие, четко зафиксировавшееся в памяти рассказчика: *...лошадь помчалась аж по всему Соликамскому тракту, добежала до поленицы у завода и пала. А тут татары работали, побежали и давай стучать по ушам. Федька добежал, а лошадь уже мертвая была.*

2. Выраженное в таком виде это событие парадоксальным образом накладывается на языковые метафоры («стучать/бить по ушам», «разбудить мертвого») и на основе демонологических знаний исполнителя возникает мифологический «дубликат»: домовый стучит, предвещая последующее несчастье. Образ этого «стучащего» домового, явно восходит к представлениям о *барабашке*.

Однако именно парадоксальность этих метафорических наложений вызывает целый ряд вопросов, связанных с предикацией «достоверности»:

Вопрос 1: Насколько случайно у «заведенной» (т.е. ставшей «неуправляемой машиной») лошади заканчивается «завод» точно у стен завода?

Вопрос 2: Насколько случайно возникает образ соликамского тракта?

Соликамский тракт – современное название одной из улиц г. Соликамска; исторически – часть Сибирского тракта (Бабиновский тракт «Соль-Каменская – Тобольск»). На первый взгляд, топоним *Соликамский тракт* естественным образом ассоциируется с городом Соликамском и его заводскими предприятиями, начиная от знаменитых солеваренных заводов, закрывшихся в середине прошлого века, и заканчивая известными на весь мир предприятиями горнохимической промышленности (добыча калийных солей и производство минеральных удобрений), металлургии (Соликамский магниевый завод). Мы не можем однозначно опровергать реальную приуроченность описываемого случая гибели лошади к хронотопу «Соликамский тракт – поленница у завода». Тем не менее, для носителя данной повествовательной традиции сама ассоциация «тракт – Соликамск – завод» явно обладает особой маркированностью – качеством некоего «идеального» места для трагической с точки зрения исполнителя гибели центрального персонажа («большое горе» = «большая дорога» = «большой завод»).

Вопрос 3: Насколько случайно именно в момент гибели лошади появляются «татары» и пытаются привести ее в чувство?

На первый взгляд, для пермского края, где был записан данный текст, и где татары занимают второе место по численности (около 5 % населения Пермской области), появление такого этнического маркера вполне допустимо. Однако нельзя отрицать и того, что ассоциативная связь «лошадь – татарин» характерна для русских представлений о татарах, а для пермских русских еще более очевидна. Так, например, из ассоциативно близких к теме «лошадь-конина-татарин» паремий можно отметить пермский фразеологизм *татара наверно съели его с кобылой вместе* (о человеке, долго не возвращающемся). Но для данного сюжета обнаруживается еще более конкретный образ, поскольку именно в пермском диалекте русского языка (т.е. там, где была записана эта быличка) зафиксирован фразеологизм *татара (молотят) в голове*. Этот фразеологизм метафорически обозначает головокружение, головную боль, тяжесть: «Сядни я ничё не скажу, у меня татара молотят в голове» [Сироткина 2007]. Для наших лингвосемантических рассуждений важно, что эта метафора может быть связана не только с идиомой *стучать в висках*, но и с тем, что этноним *татара* в русском языке явно имеет звуко-смысловую связь с образами стука: *та-та-та, тар-тар-тар*. Таким образом, перед нами открывается еще одна структурная связка между инициальной и финальной ситуациями «домовой стучит – *татара молотят в голове* – татары стучат по голове павшей лошади».

Опираясь на анализируемый текст, можно отметить еще ряд «периферийных» аттракций, которые тоже могли быть задействованы здесь:

«на мыло» – *татарин*: фитонимы *татарское мыло, татарские мыльца*;

«*мыло-татарин-тоска/горе*» (в пермских говорах): «Эта трава от тоски помогает. Вот ведь если не татарские мыльца, то уж не знаю, чё бы со мной было – ведь сколько я тосковала»; «От тоски пили татарские мыльца, у воды растут, цветки красные, а листики-те узкие, длинные» [Прокошева; цит. по: Сироткина 2007]

«*татарин – голова - башка*»: *не бей по голове, колоти по башке* (поговорка); идиома *секир башка*;

учитывая этническую специфику населения Пермской области, стоит иметь в виду и татарские фразеологизмы, например: *Адам башы белән ат башы курә* (дословно: все переносят головы человечья да конская) = Беда вымучит, беда и выучит;

демонологические аттракции: *Шапка-татарка* (синонимично – *чертова шапка*) *вся в заплатках* (отгадка: *каменка*).

Ну и здесь уместно вспомнить еще одну метафору, связанную с образом татарина – это метафора тишины: фразеологизм *татарин родился* – о моменте наступившей мгновенной тишины (известный во множестве других вариантов). В контексте нарративной реальности эта метафора тишины как бы и создает за-текстовый, за-событийный фон.

Таким образом, при всех соответствиях традиционному представлению о быличке, совершенно очевидно, что данный сюжет возникает в результате многочисленных «внутренних», языковых аттракций, не связанных с «мифологическими мотивами» или мифологическими «ментальными матрицами». Эти аттракции можно представить в виде тандема ассоциативных пар, создающих оппозицию «мифологическое / реальное»:

Мифологическое

Реальное

татара молотят в голове

татары стучат по голове лошади

«та-та-ра» (стучать, барабанить)

«татара»

МП «бьет по ушам/бьет в уши» так,
что «мертвого разбудит»

Татары бьют по ушам лошади,
пытаясь разбудить мертвую лошадь

Представленная в таком виде структура повествования обладает зеркальностью, только «зеркалом» оказывается не мифология, а сам язык. Две части структуры разворачиваются в нарративе как две составляющие традиционной картины мира, однако двуединство мифологического и реального вторично по отношению к комплементарности спонтанно возникших ассоциативно-смысловых аттракций, абсолютно не имеющих отношения к мифологическим представлениям.

Вариант интерпретации 3. Самосборка структуры сюжета

Чтобы понять, как из этого множества ассоциативно-смысловых аттракций возникает сюжет, попытаемся повторить тот путь дискурсивизации, который должно пройти нарративное сознание, направляемое сюжетным «вектором» с известной координатой «гибель лошади».

Уровень 1. Происходит *со-бытие*, выбивающееся из обыденного круга происшествий: неожиданная гибель лошади в дороге.

Уровень 2. Получив событийную предикацию эта смысловая связка «неожиданная гибель лошади в дороге» начинает структурировать вокруг себя ассоциативно-смысловое поле, очертания которого определены тем, что:

– Мотив гибели обладает минимальным набором предикативных позиций:
Время-место действия – субъект действия – действие – объект действия

	S	A	O
День / в дороге	?	падеж	лошадь

Уровень 3. Вокруг этой связки-мотива возникает событийная матрица с «пустыми» позициями, требующими заполнения. Структуру этой матрицы можно представить в виде трехчастной схемы: *начало, финал* и некая *причинно-следственная связь*, превращающая события в сюжет.

В соответствии с событийной логикой мотив гибели занимает в матрице позицию финала.

инициальная ситуация – причинно-следственная связь – финальная ситуация

ИС	–	ПСС	–	ФС
?	-	?	–	гибель лошади

(Для удобства выражения опять заменим срединный элемент «причинно-следственная связь» знаком «//»; мы к нему вернемся позже).

Уровень 4. Эта событийная матрица уже обладает определенной логической структурой, поскольку финальная субъектно-объектная триада (субъект S – действие A – объект O) формирует свое «зеркальное» отображение – т.е. инициальная часть потенциально обладает подобной же субъектно-объектной «триадой», но зеркально противопоставленной ($S^{-1} – A^{-1} – O^{-1}$), как, собственно, начало и конец. Соответственно, возникают контуры некоего *анти-события с анти-ролями* (т.е. меной субъектно-объектных и качественно-количественных позиций):

анти-событие				//	событие					
S^{-1}	-	A^{-1}	-	O^{-1}	//	S	–	A	–	O
?		?		?	//	?	–	гибель	–	лошадь
Тема жизни					//	тема смерти				

– Мотив гибели обладает минимальной топологией, соответствующей событийной последовательности «до» - «после»; которой соответствует хронотоп «днем на дороге». К этому хронотопу подбирается комплементарная пара. Объективные знания о причинах подобных происшествий (лошадь могла понестись, сильно испугавшись чего-то/кого-то) определяют психофизиологический вектор последующих ассоциаций: *ФС* связана со страхом, с открытым пространством, с агорафобийными ощущениями; соответственно, *ИС* осмысливается как закрытое, узкое, тесное,

клаустрофобийное пространство (с возможными звуко-смысловыми аттракциями «страх-пространство / ужас-узость»):

ИС

ФС

ночью в доме

днем на дороге

клаустрофобия

агорафобия

Уровень 5. Пустые позиции начинают заполняться наиболее сильными ассоциативными компонентами. Поскольку синтаксическая конструкция «лошадь понеслась и пала» не предполагает позиции «субъект действия», заложенной в событийной матрице, комплементарность частей можно выразить в виде обобщенных формул: «нечто/ некто приводит к падению/ умиранию лошади» - «нечто/ некто приводит к анти-действию, т.е. к подъему/ оживлению (чего-то/ кого-то)». Ассоциативные пары «лошадь – хозяин», «лошадь – всадник/ возничий, кучер», возможно, еще и «лошадь – татарин» образуют своего рода «первичную» структуру, непосредственно связанные с исходным событием «гибель лошади». С образом мертвой лошади возникают две основные связки «мертвая лошадь – падаль» и «мертвая лошадь – конина – татары», которые далее разворачиваются в крупные ассоциативные блоки, организующие «вторичные» структуры. Кроме того, дальнейшее заполнение матрицы связано с появлением качественно-количественных ассоциаций. «Первичную» структуру можно выразить так:

A^{-1} «подъем; оживление» // A – «падение = «падеж», «умирание»

O действия – человек (много) // O действия – лошадь/ не человек (один)

S действия – не человек (один) // S действия – люди/ татары (много)

Время – ночь // время – день

Место – в доме // место – на дороге

Уровень 6. При наложении анти-хронотопа *ночью в доме* и анти-субъекта *не человек* совершенно естественно возникает образ домового:

S^{-1} // S

Субъект – домовый // ? люди/ татары

(не человек, один, ночью, в доме) // (человек, много, днем, на дороге)

Если в этом месте «разорвать» возникшую структуру, то перед нами возникает контур сюжета, вполне соответствующий сюжетной схеме или мотиву «домовой предвещает несчастье». Однако в нашем случае контуры (многомерность) комплементарного сближения двух частей (*ИС* – *ФС*) макромолекулы задают именно «вторичные» связи.

«Вторичная» структура

Основой выделения ассоциативных связок во «вторичную» структурную цепь является обособленный уровень заполнения событийной матрицы S^{-1} – A^{-1}

– O⁻¹ // S – A – O, «второстепенный» по отношению к основному событию, или, корректнее, – параллельный «первичной» структуре. Процесс сборки вторичной структуры можно выразить так:

Уровень 1. Происходит *со-бытие*, выбивающееся из обыденного круга происшествий: неожиданная гибель лошади в дороге.

Уровень 2. Это событие переживается (вероятно, неоднократно) и осмысливается нарратором, что вызывает состояние психофизиологического дискомфорта (головокружение, головную боль, тяжесть), соответствующее идиоме «татара молотят в голове». Вероятно, это состояние соотносено с отмеченным выше фобийным вектором: субъективное, закрытое, внутреннее, клаустрофобийное ощущение «татара в голове молотят» – открытое пространство переживаемого события – гибели лошади.

Уровень 3. Идиома «татара молотят в голове» включается в ассоциативно-смысловое поле «первичной» структуры, возникают ассоциативные связки «лошадь – татарин», «мертвая лошадь – конина – татары».

Уровень 4. Эти ассоциативные связки разворачиваются в крупные ассоциативные блоки: <«татара в голове стучат» / татары стучат по голове> – <«стучать, бить по ушам» – «будить мертвого» / стучать, бить по ушам – будить мертвую лошадь – татарин – лошадь> – <«бить по ушам/бить в уши» – «барабанить» (бить в барабанные перепонки) – «та-та-ра» / стучать, барабанить – татарин>.

S ⁻¹	-	A ⁻¹	-	O ⁻¹	//	S	-	A	-	O
?	-	?	-	?	//	?	-	гибель	-	лошадь
Тема жизни					//	тема смерти				

«татара» «стучат в голове» человека // татары стучат по голове лошади

звук «та-та-ра» «будит мертвого» человека // татары будят мертвую лошадь

издающий звук «та-та-ра» «бьет по ушам» человека // татары бьют по ушам лошадь

издающий звук «та-та-ра» «барабанит» (бьет в барабанные перепонки) человека // татары барабанят по ушам лошади

Уровень 5. Возникает ассоциативная связка «татара – та-та-ра – стучать – барабанить – барабашка – домовой», соединяющая «первичную» и «вторичную» структуры в единую макроструктуру. Возможно, здесь задействован и ассоциативный стимул «нечистый» (конина – «нечистое» мясо, татарин – нехристь, фольклорные аттракции «татарин – черт»), закрепляющий компоненты «домовой – татарин».

Обратим особое внимание, что именно появление этого уровня определяет специфику анализируемого сюжета былички, то есть, сюжет самозарождается именно тогда, когда возникает аттракция «татара – та-та-ра – стучать –

барабанить – барабашка». Гипотетически, в данном случае мог проявиться эффект «отложенного знания», то есть воспоминание о гибели лошади, отложившееся в подсознании нарратора (в виде «первичной» структуры, текста-примитива или довербальной «ментальной матрицы») «запустило» механизм самосборки сюжетной структуры.

Уровень 6. Происходит дальнейшее комплементарное сближение частей *ИС* и *ФС*: <«заводиться» / призаводиться (прискакать к заводу) – «завод» / завод> – (? < конина – «на мыло» / татарские мыльца>); дальнейшее расширение фобийных ассоциаций.

Структура макромолекулы сюжета

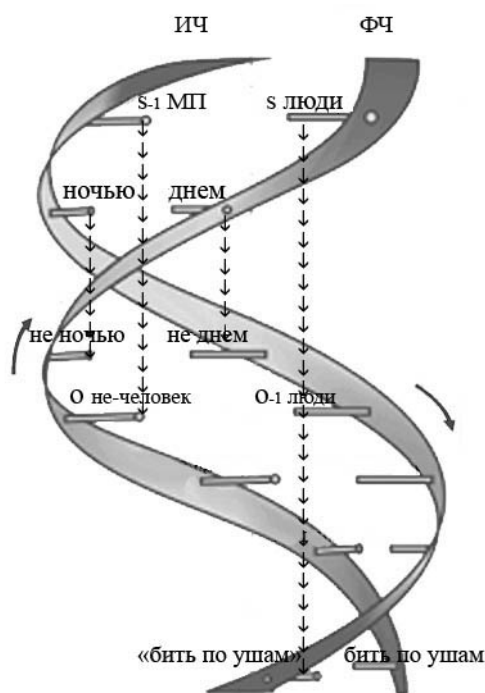
Инициальная часть	Финальная часть
Жизнь	Смерть
Подъем	падеж
Пробуждение	засыпание
S ⁻¹ – не человек	S – человек
S ⁻¹ – один	S – много
O ⁻¹ – «человек»	O – «не человек»
O ⁻¹ – много	O – один
время «ночью»	время «днем»
место «в доме»	место «на тракте»
клаустрофобийное	агорафобийное
«татара в голове молотят»	татары стучат по голове
A ¹ «мертвого разбудить»	A «будить мертвого»
«бить в уши, стучать по ушам»	стучать по ушам
«барабанить» (бить в барабанные перепонки)	бить по голове лошади
«та-та-ра»	«татара»
барабашка	«татара»
«завод»	у завода
«заводится»	«призаводится» (прискакать к заводу)

Причинно-следственная связь (ПСС)

Теперь вернемся к третьему необходимому для сюжета компоненту – причинно-следственной связи между инициальным и финальным событиями. В данном тексте этот компонент достаточно легко вычленяется, поскольку

обладает своим хронотопом («утром в доме») и своим набором «действующих лиц»: *Утром мама встала, помелом постучала, положила творогу в дырку и говорила: “Батюшко милостливый, какое ты нам горе принес? Какую беду принес?” Он еще три раза постучал.*

Выше мы уже отмечали, что этот микросюжет «слеплен» из целого ряда окказиональных «фрагментов», по сути, представляющих собой гиперссылки к целому спектру этнографических знаний. На фоне основного мифологического события этот компонент может быть выделен как самостоятельный микросюжет. Если попытаться спроецировать содержание этого микросюжета на представленную выше ассоциативно-смысловую структуру, то нетрудно заметить, что основные ассоциации (предикации) те же самые, но здесь они «вывернуты» (негативны) и скомбинированы: «разбуженные стуком» люди «будят стуком» «стучавшего» домового, задают ему вопрос человеческим языком, на который тот утвердительно отвечает стуком. Троекратный стук может быть интерпретирован как троекратное «да». Соответственно, хронотоп ПСС «слеплен» из двух хронотопов ИС и ФС и противопоставлен обеим частям: время «не день и не ночь = утро»; пространство «в доме, но нейтральное (не агорафобийное и не клаустрофобийное; «не там и не здесь / не внутри и не снаружи»); в контексте семиотики дома, основное событие ПСС происходит на границе мифологического и нейтрального пространств (под «дыркой», куда ставится угощение домовому, здесь может иметься в виду как отверстие в подпечье, так и подполье). Этому комбинированному хронотопу соответствует комбинация субъектно-объектных отношений: в микросюжете ПСС можно выделить две субъектно-объектные пары, инверсированные друг другу: 1) субъект действия «стучать» – «человек», объект действия – МП, скомбинированный из ИС и ФС ($S1 = S$ «люди» + S^{-1} «один»; $O1 = O^{-1}$ «разбуженный стуком» + O «разбуженный людьми») 2) субъект действия «ответить» – «МП», объект действия – «человек» ($S2 = S^{-1}$ «стучащий МП» + S «люди»; $O2 = O^{-1}$ «люди» + O «один»). Соответственно, каждой субъектно-объектной паре соответствует А1 «постучать помелом = обратиться с вопросом, а не «молотить всю ночь», А2 «стукнуть три раза в ответ, а не «молотить всю ночь». В двоичной структуре сюжета эти «комбинации» могут быть отражены как диагональные, перекрестные связи ассоциативный пар. В трехмерном представлении диагональные «стяжки», противодействуя первичным, горизонтальным и вертикальным связям, сворачивают двоичную цепь в спираль:

Далее в этот образ спиралевидной структуры вносим уже знакомую нам корректировку: когда в ассоциативном «прочтении» сюжета доходим до последней предикации и переходим к ассоциативному ряду ПСС, мы непротиворечивым образом «считываем» ту же структуру, но как бы с обратной стороны или ее «негатив» («не днем – не ночью», «не в доме – не на улице» и т.д.; при этом левая цепь структуры проецируется на финальную часть, и наоборот). В соответствии с «линейным» текстом былички в качестве последней предикации можно принять ассоциаты времени: «...колотил всю ночь. Утром мама встала...». Для того чтобы, не пересекая ассоциативных рамок, попасть на оборотную сторону, наша двойная цепь должна быть замкнута в виде «ленты Мебиуса». Соответственно, набор ассоциативных пар не просто конечен, но и циклически замкнут. Ну и далее, уже в ходе дискурсивизации нарративное сознание расщепляет двоичную структуру сюжета и превращает ее в линейный текст повествования.

Таким образом, сконструированная нами структура сюжета весьма точно отражает принципы супрамолекулярной (надмолекулярной) самосборки «снизу вверх» (в порядке иерархического усложнения надмолекулярной структуры), лежащей в основе многих биохимических процессов. Аналогом химических нековалентных, «слабых» взаимодействий в «супрамолекулярной» интерпретации текста выступают ассоциативно-смысловые связи, возникающие в сознании автора в результате аффективно-ассоциативного восприятия объектов действительности. Аналогом стерической и химической комплементарности, соответственно, являются комплементарность по форме и содержанию спонтанно возникающих в ходе «осюжечивания» событий (N-ной степени рефлексии над действительностью [Веселова]) ассоциаций. Множество ассоциаций соединяют комплементарные, взаимодополняющие компоненты в

двоичную структуру, которая в ходе наррации разворачивается в линейное повествование.

В общем контексте изоморфизма «супрамолекулярных» процессов кажется вполне закономерным, что одна из нативных (соответствующих природе нарративного сознания) конформаций элементарного событийного сюжета представляет собой двойную спираль, составленную из комплементарных инициальной и финальной частей.

Очевидно и то, что многие наработки в области сюжета здесь приобретают новое осмысление. Так, например, в «супрамолекулярной» интерпретации тот же мифологический «бриколаж» как механизм решения фундаментальных противоречий, в проекции на нарративное сознание может быть увязан со сборкой аффективно-ассоциативных (комплементарных) пар, структурирующих представления об окружающем мире. Однако, прежде всего, в контексте обозначенного нами подхода к структуре повествования возникает явная потребность еще раз пересмотреть все наработки, связанные с понятием «сюжет».

Литература и источники

1. Веселова 2000 – *Веселова И.С.* Жанры современного городского фольклора: повествовательные традиции: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2000. (На правах рукописи.).
2. Веселова – *Веселова И.С.* Событие жизни – событие текста // Фольклор и постфольклор: структура, типология, семиотика URL: <http://www.ruthenia.ru/folklore/veselova5.htm> (Дата обращения 05.05.16)
3. Власова 1992 – *Власова М.Н.* Былички (Базовые мотивы в их эволюции): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 1992. (На правах рукописи.). URL: <http://cheloveknauka.com/bylichki-bazovye-motivu-v-ih-evolyutsii> (Дата обращения: 11.04.2016)
4. Литвиненко 2005 - *Литвиненко Т.Е.* К вопросу о статусе единиц с формантом «– текст» в современной науке о тексте // Вопросы теории текста, лингвостилистики и интертекстуальности: Вестник ИГЛУ. Сер. Лингвистика. – Иркутск: Изд-во Иркутского государственного лингвистического университета, 2005. – №. 11. – С. 73-81.
5. Овчинникова 1994 – *Овчинникова А.Г.* Ассоциации и высказывание: структура и семантика. Пермь: Изд-во ПГУ, 1994. – 398 с.
6. Рассказы о полтергейсте 1993 - Правдивые рассказы о полтергейсте и прочей нежити на овине, в избе и бане / сост.: *К. Шумов, Н. Преженцева.* Пермь: Янус, 1993.
7. Панюков 2004 – *Панюков А.В.* Семантические модели языкового концепта «водить воду» // Фольклор и художественная культура. Современные методологические и технологические проблемы изучения и сохранения традиционной культуры. (Серия «сохранение

- и возрождение фольклорных традиций». Вып. 13). – М., 2004. – С. 194-200.
8. Панюков 2006 – *Панюков А.В.* К проблеме поэтики устных мифологических рассказов: лингвосемантический подход // Славянская традиционная культура и современный мир. – Вып. 9. Сб. научных статей по материалам конференции. М., 2006. С.86-105.
  9. Панюков 2013 – *Панюков А.В.* Феномен самосборки в фольклоре: сюжет об убийстве князя Василия Вымского// Семиозис и культура: интеллектуальные практики : монография / науч.ред. И.Е.Фадеева, В.А. Сулимов. –Сыктывкар: Коми пединститут. 2013 – 394 с. С.199-211.
  10. Панюков 2014 – *Панюков А.В.* Назад в будущее: Убийство князя Василия вымского // Фольклор и постфольклор: структура, типология, семиотика/
URL: <http://www.ruthenia.ru/folklore/panyukov1.htm>
  11. Переслегин - *Переслегин С.Б.* О соотношении гуманитарного и естественнонаучного познания в междисциплинарных исследованиях. URL: <http://lizard.jinr.ru/~tina/Sistema/Kosmos/pereslegin/per210.html> (Дата обращения 05.05.16)
  12. Прокошева 2002 – *Прокошева К.Н.* Фразеологический словарь пермских говоров. Пермь, 2002. 432 с.
  13. Савельева, Кленов 1992 – *Савельева Э.А., Кленов М.В.* Пожегское городище / Серия препринтов «Научные доклады». Коми научный центр УрО РАН. – 1992. – Вып.278. – 34 с.
  14. Сидоров 1924 – *Сидоров А.С.* Памятники древности в пределах Коми края // Коми му – Усть-Сысольск, 1924. № 7-10.
  15. Сироткина 2007 – *Сироткина Т.А.* Речевые маркеры этнического компонента народной культуры (на материале этнонимии Пермского края) // Традиционная культура Русского Севера: история и современность. Материалы V научной конференции по изучению народной культуры Русского Севера / Редколлегия: Т.Г.Иванова (ответственный редактор) и др. Петрозаводск, 2007. URL: http://kizhi.karelia.ru/specialist/pub/library/rjabinin2007/4_lang/sirotkina.htm (Дата обращения 01.04.16).
  16. Федеральный Интернет-портал «Нанотехнологии и наноматериалы». URL: <http://portalnano.ru/read/tezaurus/definitions/self-assembly> (Дата обращения 01.04.16).